100-летию Первой мировой войны 1914-1918 гг.

Яков Иванович Полежаев
1892-1915

Дневники ратника ополчения

Боровск · 2018

100-летию
Первой мировой
войны
1914–1918 гг.

Яков Иванович Полежаев
17 сентября 1915 г.

Дневники ратника ополчения

Юношеский и фронтовой дневники представителя боровских промышленников Полежаевых Якова Полежаева

БОРОВСК
2018

УДК 93/94
ББК 63.3 (2Рос. — 4Калж)
Я 47

Составители:
О. Ю. Соловьева, Е. А. Полежаева, П. С. Соловьева

В оформлении использованы фотографии, предоставленные Е. А. Полежаевой из семейных архивов потомков Полежаевых и из открытых источников интернета.

Я 47 Дневники ратника ополчения: юношеский и фронтовой дневники Якова Полежаева / составители О. Ю. Соловьева, Е. А. Полежаева, П. С. Соловьева; вступительная статья Н. П. Лошкарёвой. — Боровск, 2018. — 56 с.: ил.

ISBN 978-5-4465-2104-3

«Дневники ратника ополчения» — это подлинные документы, написанные Яковом Полежаевым в 1908–1909 гг. (о рождении сестры Марии Ивановны Полежаевой) и в 1915 г. (свидетельство участника военных событий Первой мировой войны). Яков погиб в 1915 г. Ему было 23 года.

Яков — старший сын Ивана Петровича Полежаева, одного из братьев Полежаевых, представителей широко известной в России промышленно-купеческой династии города Боровска Калужской губернии. В 1887 г. Полежаевы создали ткацкую фабрику, которая в последующие 100 лет была самым крупным его предприятием.

С началом Первой мировой войны Яков Полежаев без колебаний отправился на фронт в рядах ополченцев вместе с фабричными рабочими.

Яков вёл дневник. Начат дневник 29 апреля 1915 г. Части 1 (с 16 июля 1914 г.) и 2 (с 16 октября 1914 г.) утрачены. В сохранившемся дневнике (часть 3), написанном мелким красивым почерком, на 45 страницах подробно рассказывается о буднях солдатской жизни, о специфике подготовки ополченцев, о психологии военной жизни, авторитете офицеров, автор называет подлинные места сражений и реальные события.

Последняя запись дневника сделана Яковом утром 18 октября 1915 г. В тот день его отправили в действующую армию. 26 октября 2015 г. он был тяжело ранен. После ранения записи в дневнике вела Зиновия Яковлевна, мать Яши, которая вместе с мужем приехала к нему в госпиталь.Через 13 дней после ранения Яков Иванович Полежаев умер в госпитале в Риге.

Тело Якова родители перевезли в родной город Боровск и похоронили на фамильном участке Записного старообрядческого кладбища на ул. Московской. Рабочие фабрики в день похорон возложили на гроб венок с надписью: «Другу рабочих, защитнику Родины Якову Ивановичу Полежаеву». На обороте фотографии Яши рукой его отца было написано: «Вечная память тебе, дорогой страдалец за Родину».

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 93/94
ББК 63.3 (2Рос. — 4Калж)

Любое использование публикуемых материалов без разрешения составителей и владельцев авторского права запрещено. Ссылка на издание обязательна в любом случае.

ISBN 978-5-4465-2104-3

© О. Ю. Соловьева, 2018
© Е. А. Полежаева, 2018
© П. С. Соловьева, 2018
© Н. П. Лошкарёва, 2018
© В. А. Черников, макет, вёрстка, 2018

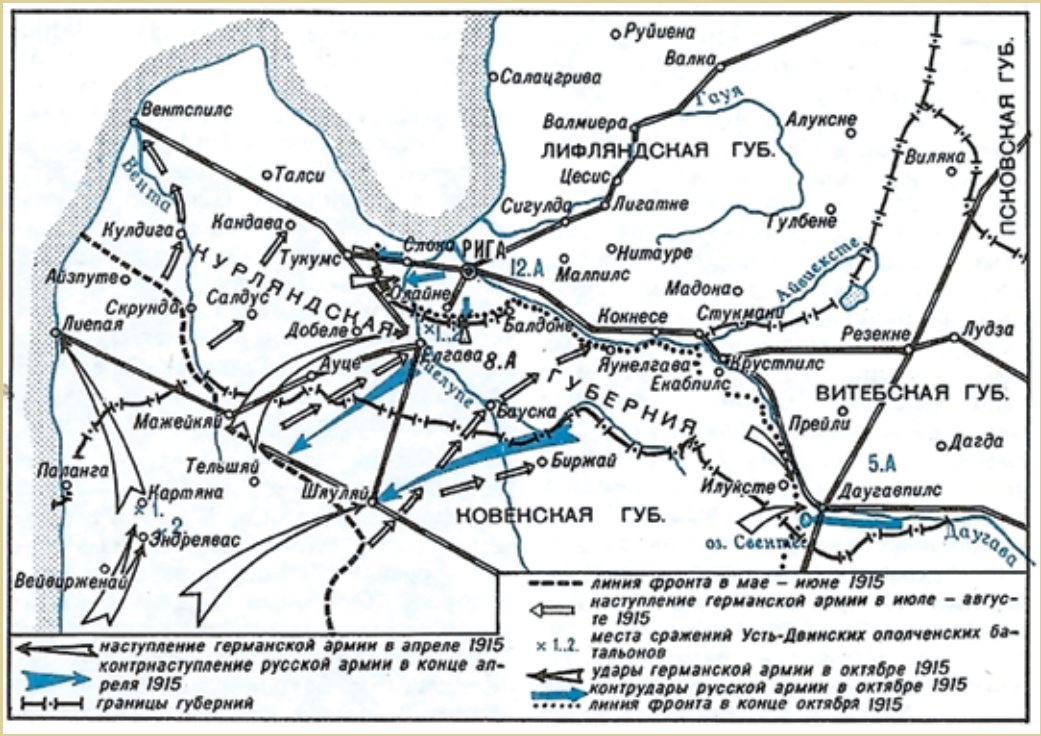
«Дневники ратника ополчения» — это подлинные документы, написанные Яковом Полежаевым в 1908–1909 гг. (о рождении сестры Марии Ивановны Полежаевой) и в 1915 г. (свидетельство участника военных событий Первой мировой войны). Яков погиб в 1915 г. Ему было 23 года.

Яков Иванович Полежаев — старший сын Ивана Петровича, одного из братьев Полежаевых, представителей широко известной в России промышленно-купеческой старообрядческой династии города Боровска Калужской губернии. В 1887 г. Полежаевы создали в Боровске ткацкую фабрику, которая в течение последующих 100 лет являлась самым крупным предприятием города.

В дневнике «О рождении сестры Марии Ивановны Полежаевой» (1908–1909) 16-летний Яков увлекательно рассказывает о быте семьи Полежаевых, о работе фабрики и участии его в фабричных делах, о событиях, происходивших в Боровске в те далёкие годы.

С объявлением мобилизации в 1914 г. Яков без колебаний отправился ополченцем на фронт вместе с фабричными рабочими. В сохранившейся и публикуемой здесь 3-й части его военного дневника на 45 страницах повествуется о солдатских буднях, о специфике подготовки ополченцев, о психологии военной жизни.

В Боровске есть улица Братьев Полежаевых. До наших дней сохранился дом, принадлежавший этой семье в Боровске, где Евгения Алексеевна Полежаева, племянница Якова, создала музей, посвященный истории не только своей семьи, но и других купеческих родов города. Среди них Меренковы, Провоторовы, Санины, Голофтеевы, Капырины, Хомутинниковы, Рябушинские. Она хранит наряду с многочисленными документами, семейными архивами и фотографиями и «Дневники ратника ополчения».



Медаль «В память Великой войны». Российская империя. 1914–1917 гг.
(Хранится в фондах МКК «Стольный город Боровск»).
На аверсе медали — портрет императора Николая II, на реверсе — в шести медальонах портреты глав союзных Российской империи держав и надпись «В память Великой войны»

В память о Великой войне 1914–1918 гг.

По своим геополитическим последствиям Первая мировая война как широкомасштабное вооружённое столкновение не имела аналогов в истории человечества. Она длилась 4 года, 3 месяца и 10 дней, охватив 38 стран с населением свыше 1,5 млрд человек. За годы войны более 10 млн человек были убиты и умерли от ран, 20 млн человек ранены. С лица земли были стёрты сотни цветущих городов и тысячи сёл, а мощные империи — Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская — прекратили своё существование. Не случайно вплоть до сентября 1939 г. эта война почти во всём мире называлась «Великой».

БОРОВСК И УЕЗД В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Начало войны с Германией было воспринято в широких кругах российского общества на ура. Она расценивалась большинством как помощь православным балканским народам, ставшим жертвами австро-венгерской агрессии. В столицах и губернских городах прошли многолюдные манифестации и молебны о ниспослании победы христолюбивому воинству. Среди населения стали очень популярны газеты и журналы, публиковавшие сводки военных действий и фотографии русских героев. Города наполнились людьми в военной форме.

Боровчан тоже охватил небывалый подъём патриотизма. Мужское население, особенно молодёжь, записывались добровольцами на фронт, кого-то забирали по мобилизации. Следуя своему высоко понимаемому гражданскому и нравственному долгу, защищать интересы Отечества и спасать братьев-славян уходили рабочие местных фабрик, купеческие дети, крестьяне, дворяне, преподаватели, врачи, священнослужители, юные гимназисты и т. д. Среди них: Н. Н. Барабанов, Блиновы, Болдаковы, Волокитины, Головтеевы, Ёжиковы, А. И. Жаров, П. Ф. Жемчуж-

ников, Калинины, Н. К. Клыков, Копырины, Краюшкины, Мастеровы, Т. Е. Матросов, Н. А. Меренков, Молчановы, Мурашовы, И. Ф. Мухин, Павловы, Поздняковы, Я. И. Полежаев, Е. В. Уточкин, П. С. Челищев, И. Щербаков, Ястребовы...

В городских и сельских храмах довольно часто проходили молебны о даровании победы нашему христолюбивому воинству над врагами с произношением всем ушедшим на фронт многолетия. Свершались они в синодальных и старообрядческих церквях и даже во время крестных ходов по городу. Об одной из таких служб в Покровской 1-й общине г. Боровска старообрядческий журнал «Церковь» писал: «8 августа, в день праздника явления Толгской иконы Божией Матери, в боровском старообрядческом храме первой Покровской общины было торжественное служение, служил старообрядческий епископ Павел, прибывший из Калуги; служение он совершал соборне. По окончании службы был крестный ход, и во главе хода шёл вышеозначенный епископ в полном облачении, при колокольном звоне. Настроение было праздничное у всех, и народу было много. Против здания городской управы отслужен молебен о даровании победы нашему христолюбивому воинству над врагами и произнесены многолетия. За молебном присутствовали боровский исправник Чуфаровский, помощник исправника Кузнецов, боровский уездный воинский начальник и боровский городской голова Капырин. Да услышит Господь прошения слёзные устроителей и участников сего торжественного молебна и даст Господь Бог Помазаннику Божию ныне царствующему Государю нашему Императору Николаю Александровичу победу над врагами...».

Помимо этого, в церквях при каждом богослужении совершались тарелочные и кружечные сборы для разных нужд, связанных с войной, а созданный при Благовещенском соборе попечительский совет о семьях лиц, находящихся в войсках, постановил еженедельно, по воскресеньям, после вечерни служить молебен о здравии русских воинов с бесплатным принятием записочек от молящихся и сбора пожертвований на нужды воинов. Такие пожертвования собирались с августа 1914 до 1917 г. включительно.

В городе и уезде стали действовать Комитеты по оказанию благотворительной помощи пострадавшим от военных бедствий, по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, по эвакуации больных и раненых воинов, Комиссия комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, а также попечительства по призрению семейств нижних чинов, принятых на военную службу по мобилизации, отделение Российского общества Красного креста, питательные пункты для раненых воинов в посёлке при станции Балабаново и для беженцев в д. Воробьи и в с. Ильинском. На всё это приходилось изыскивать средства, в том числе и из местного бюджета.

Вместе с этим сами боровчане принимали участие в сборе пожертвований на разные нужды в пользу больных и раненых воинов, для воинов действующей армии и их семей, семей погибших, беженцев. Известные в Боровске купцы Ждановы в ноябре 1914 г. пожертвовали в пользу семей призванных на фронт 5 тыс. р., в целом население уездного центра собирало деньги на постройку дома инвалидов войны. Подарки фронтовикам к Пасхе также собирались всем миром. Например, в марте 1916 г. по всей Калужской губернии успешно проходил сбор подарков «Солдатам в окопы на красное яичко», ход которого освещала пресса. Все собранные пожертвования стекались в Калужский губернский земский комитет по

оказанию помощи больным и раненым воинам и семьям лиц, призванных на военную службу: от Боровского земского комитета поступило 238 р. (от Медынского — 229 р., от Мосальского — 278 р., от Перемышльского — 185 р., от Тарусского — 300 р.).

Оказывалась помощь и такого характера. Калужское губернское отделение Всероссийского комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, в 1915 г. сначала в Калуге, а затем в Боровском уезде и Медыни открыло приюты для детей фронтовиков, а во время полевых работ для солдатских детей в ряде уездов губернии, включая и Боровский, действовали ясли. Ясли размещали в школьных зданиях, заведовали ими воспитанницы женских гимназий. В мае 1916 г. Комитет великой княгини выдал 4 тыс. р. на агрономическую помощь семьям призванных Боровского, Жиздринского, Козельского и Малоярославецкого уездов.

Раненым и больным воинам, оказавшимся в уезде, также старались всячески помогать. Духовенство Боровского уезда оборудовало для них лазареты. Всё в том же журнале «Церковь» за 1914 г. сообщалось: «В первой Покровской общине старообрядцев 3-го сентября было освящено здание под лазарет для больных и раненых воинов. Помещение, отремонтированное из старого бывшего молитвенного дома, очень приличное, вместимостью на 15 кроватей. Все места уже заняты вышеназванной общиной и доброхотными добротворителями-старообрядцами (имеются в виду пожертвования кроватями. — Прим. авт). Чин освящения совершал о. протоиерей Афанасий Дионисьевич Ковшов, совместно со своим причтом. При этом был совершен канон — молебен Господу Богу о даровании победы над врагами. По окончании молебна и по прочтении положенных молитв о. протоиереем была сказана трогательная речь о больных и раненых воинах. Затем о. диаконом Борзовым были провозглашены многолетия «царское» и победоносному христолюбивому воинству. При ограждении крестом была поставлена тарелка в пользу раненых воинов и собрана значительная сумма от православных христиан. При возвращении крестного хода в храм певцы пели: С нами Бог, разумейте, языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог». Были оборудованы лазареты также Боровского Земства при земской больнице на 40 коек и при Пафнутьевом монастыре, 3 лазарета на 70 коек имелись в ведении Комитета по эвакуации больных и раненых воинов.

Но реалии большой войны стали сказываться на бюджете города и уезда: он существенно был сокращён. Некоторые местные предприятия вынуждены были перейти на выполнение военных заказов. Крестьян обязали поставлять на фронт продовольствие. Всех, у кого было огнестрельное оружие, губернские и местные власти просили сдавать его в пользу армии.

По мере того, как война затягивалась, радостное патриотическое настроение сменялось унынием, безысходностью. В городе и уезде появились вернувшиеся с фронта инвалиды, семьи, потерявшие кормильца, беспризорники, беженцы и даже военнопленные (последние работали на Ермолинской фабрике). Безотчётное и произвольное назначение цен торговцами и купцами привело к небывалой дороговизне всех товаров, в дефиците были сельскохозяйственные продукты. В «Летописи Благовещенского собора г. Боровска» сделана такая запись о 1916 г.: «Вообще год страдальческий — от голода, холода (дрова доходили до 25 р.) и дру-

гих неурядиц вследствие неурожая хлеба, убыли рабочей силы от войны и упадок народного духа». За 1917 г. отмечено: «2 марта царь Николай 2-й отказался от власти. <…> В правлении — во всех учреждениях перемена и колебания. Учреждено выборное начало. Со 2 марта новое правление». «Дороговизна на всё жизненное: хлеб до 20–40 р. за 1 пуд, говядина 2 р. 50 к. за фунт, ветчина 6 р. 50 к. за фунт, чай 12 р. за фунт, сахар 5 р. за фунт, корова или лошадь до 1000 р., сани — 40 р., сено — 5–6 р. за 1 тонну, масло коровье 10 р. за фунт, рабочий человек зарабатывал 5–10 р. в день. И главное — многого совсем нет».

Власти на местах пытались сдерживать цены, регулировать поставки продовольствия, перехватив инициативу из рук частных торговцев. Но население уже было доведено до крайности. Так, 20 февраля 1917 г. в Боровске произошёл настоящий погром продовольственной лавки, в которой по распоряжению уездной земской управы стали продавать завезённую ржаную муку (83 мешка) только сельскому населению. Это возмутило стоявших в очереди городских жителей, в основном женщин, начавших громить эту лавку. Восстановили порядок только тогда, когда муку стали продавать всему населению.

В целом же 1917 г. ознаменовался бурными политическими событиями: падением монархии и приходом к власти Временного правительства, Октябрьской революцией и приходом к власти большевиков, которые завершили войну подписанием в марте 1918 г. Брестского мира. После него в Боровск и уезд массово стало возвращаться демобилизованное с фронта мужское население.

Личный состав полевого госпиталя 75-й пехотной дивизии русской действующей армии на Германском фронте близ г. Гольдапа в Восточной Пруссии. 1914 г., сентябрь. (Хранится в фондах МКК «Стольный город Боровск»).
В 1-м ряду 1-й справа сидит военный врач, младший ординатор К. А. Фортунатов (21.11.1882–20.01.1915), до войны — земский врач в Боровском уезде.

***

Последние десятилетия Первая мировая война вызывает живой интерес на безграничных просторах постсоветского общества. Причём не только у профессиональных историков и политиков, но и у рядового населения, как Российской Федерации в целом, так и в небольших старинных городах, таких как Боровск. Ведь здесь ещё живут — а это очень важно — потомки тех боровчан, которые участвовали в той в далёкой «забытой» войне. Несмотря на долгие десятилетия забвения «неудобной» Великой войны, они смогли сохранить фотографии, отдельные документы и личные вещи, принадлежавшие либо участникам её, либо членам их семей. Ведь не цифры, не сводки, а только человек из другого времени своей судьбой свидетельствует об эпохе — о той жизни, что превратилась в историю.

В связи со столетним юбилеем Великой войны в музейно-краеведческом комплексе «Стольный город Боровск» была подготовлена и с успехом прошла выставка «В память о Великой войне 1914–1918 гг.». Впервые из музейных фондов и научной библиотеки общему обозрению были представлены фотографии участников войны, письма с фронта, воспоминания, небольшая коллекция оружия и амуниции, воззвания членов правительства и местных органов власти, газетные и журнальные публикации того времени, женские, детские и мужские костюмы той эпохи, а также отдельные городские рекламные вывески и страховые документы.

Стоит отметить и такой очень важный факт: Государственный архив Калужской области на основе метрических книг составляет Книгу Памяти участников той далёкой войны (к сожалению, она не может быть полной). По сведениям Государственного архива Калужской области, записи о погребении военнослужащих в Первую мировую войну в Боровском уезде были обнаружены в метрических книгах церквей сёл Беницы, Иванова Гора, Иклинское, Николо-Лужецкое, Рощинская слобода, Чубарово и самого г. Боровска.

Н. П. Лошкарёва,
гл. научный сотрудник
музейно-краеведческого комплекса
«Стольный город Боровск»

Фрагменты экспозиции музея истории боровского купечества
и предпринимательства («Дом Полежаевых»).
Фото Е. Несмеяновой (вверху)

Дом Полежаевых на ул. Успенской.
Боровск, 1903 г.

О промышленно-купеческой династии Полежаевых

Яков — старший сын из 6 детей Ивана Петровича Полежаева, одного из братьев Полежаевых — представителей широко известной в России промышленно-купеческой старообрядческой династии города Боровска Калужской губернии. Мать Якова, Зиновия Яковлевна (урожд. Фалеева), происходила из семьи крупного калужского конезаводчика. На рубеже XIX–XX вв. Полежаевы играли видную роль в экономической, политической и общественной жизни города. Созданная ими в 1887 г. ткацкая фабрика в последующие 100 лет оставалась градообразующим предприятием Боровска и, следовательно, основой его благоустройства и процветания.

По Всероссийской переписи промышленных предприятий на 1913 г. она считалась крупным предприятием Калужской губернии: число рабочих — 300, основ-

Евгения Алексеевна Полежаева в созданном ею музее. Фото Е. Несмеяновой, 2013 г.

ной капитал оценивался в 1 млн руб., а стоимость недвижимости — 400 тыс. руб. На тот период фабрика специализировалась на производстве головных платков, шарфов и одеял из шерсти, вигони и козьего пуха. О фабрике было известно не только в Калужской губернии, но и далеко за её пределами, поскольку продукция её распространялась по всей России. В период Первой Мировой войны выпускала шинельное сукно, шарфы и ткань на портянки для армии, а на нескольких перепрофилированных станках изготовляли мины. В память о создателях этой фабрики в 2013 г. одна из улиц Боровска была названа Улицей братьев Полежаевых.

Полежаевы были великими тружениками, созидавшими экономическую силу России. Небольшой плакат со словами Ивана Петровича Полежаева (отца Якова) «Хоть что-нибудь, да делай!» висел в передней при входе в дом. Эти слова были девизом семьи Полежаевых и так пригодились бы многим из нас сегодня.

До наших дней в Боровске сохранился дом, принадлежавший семье Полежаевых (ул. Ленина, д. 18). Прежде эта улица называлась Успенской. Ныне дому Полежаевых присвоен статус памятника архитектуры середины XIX в. Он имеет и историческое прошлое: 28 июля 1910 г. его посетил Великий Князь Михаил Александрович Романов — брат императора Николая II.

В этом доме титаническими усилиями Евгении Алексеевны Полежаевой в 2003 г. был создан Музей истории боровского купечества и предпринимательства («Дом

Полежаевых»). Он посвящён истории не только её предков, но и других купеческих родов Боровска. Среди них Ждановы, Меренковы, Проваторовы, Санины, Голофтеевы, Капырины, Хомутинниковы, Гучковы, Рябушинские, Глухарёвы и др. Собирать экспонаты и данные о своих предках для музея и публиковать их Евгения Алексеевна начала с 1995 г. Она сберегла для нас наряду со многими другими документами и дневники Якова Полежаева. Она настоящая наследница своей знаменитой династии.

У Полежаевых была большая и дружная семья, строившая отношения на любви и взаимоуважении. Но самым ярким характеризующим Полежаевых явлением для меня остается их отношение к детям. Их любили и лелеяли. В семье царила замечательная атмосфера. Традиционные старообрядческие молебны сочетались с чтением стихов Лермонтова. Веселые Рождественские торжества и праздники на даче соединялись с нравственным воспитанием и приобщением к труду. «Отношения были ровными, спокойными, полными сдержанной любви и взаимного понимания», — вспоминала Ольга Ивановна Полежаева (сестра Якова).

Именно из такой среды и вырастали люди, способные стать гордостью и опорой России. Один из них — Яков Иванович Полежаев. Образованный и просвещённый мальчик, прекрасно воспитанный, интеллигентный и талантливый, Яша так много успел рассказать нам о жизни тех далеких лет. Кому адресовал он строки в своих дневниках? Своим родителям, сверстникам, землякам? А может быть, нам с вами? В юношеском и военном дневниках будто бы запечатлен его портрет. И при их прочтении словно видишь этого юношу, беседуешь с ним. Ведь история России складывается из миллионов таких небольших историй конкретных людей, живших когда-то и оставивших добрую о себе память и добрые слова. Вглядимся же и вслушаемся в эту живую историю.

О. Ю. Соловьёва

Яков, Константин
и Елена Полежаевы.
23 февраля 1900 г.

«Хоть что-нибудь да делай!» — девиз семьи Полежаевых

Братья Полежаевы с женами (слева направо): Иван Петрович (3) и Зиновия Яковлевна (2), урожд. Фалеева; Георгий Петрович (4) и Мария Михайловна (8), урожд. Смирнова; Николай Петрович (7) и Мария Михайловна (6), урожд. Капырина; Пафнутий Петрович (5) и Елена Иосифовна (1), урожд. Балакина.
Москва, 1908 г.

Дом Полежаевых 2-й слева. Вдали — Благовещенский собор
и колокольня Успенской церкви (не сохр.)
Справа — дом Шокина. *Боровск, нач. XX в.*

Детство Яши

Автор дневника Яков Иванович Полежаев родился в Боровске в 1892 г. в собственном доме Полежаевых на Успенской улице (ныне ул. Ленина, д. 18). В семье царила замечательная атмосфера. О детях заботились, относились к ним доброжелательно, но строго, как было принято в старообрядческих семьях. Обучали музыке, иностранным языкам, устраивали домашние спектакли с участием детей.

Купцы Полежаевы вовсе не были ретроградами и «темным царством». Они первыми в городе внедряли передовые идеи как на производстве, так и в быту. В их доме уже в начале XX в. существовали водяное отопление, электричество, канализация и водопровод. Первая в городе телефонная линия соединяла их дом с фабрикой. В начале XX в. дом был самым благоустроенным в Боровске, поэтому в нём останавливался Великий Князь Михаил Александрович Романов при посещении Боровска в 1910 году.

Взгляните на фото братьев Полежаевых с жёнами в 1908 г. Как далеки мы, нынешние, от этих строгих, одетых в бархат и шелк дам и их респектабельных мужей... Но как близки нам традиции, заложенные в ту далекую эпоху.

По воспоминаниям его брата Константина, «Яков отлично учился, в то же время был организатором мальчишеских игр на нашей улице, его звали "атаман". С юношеских лет он увлекался чтением книг, являлся постоянным посетителем городской библиотеки». Перечитывал всю литературу, которую выписывали в семье: газеты «Русское слово» и «Раннее утро» с приложением «Политический альманах»;

Большой
корпус фабрики
Полежаевых.
Боровск, 1911 г.

журналы «Нива» и «Природа и люди» с литературными приложениями и журнал для детей «Дело и потеха». Яков много размышлял и свои мысли излагал в записках под названием «Думы». По мнению его брата Константина, он был самым одарённым из шести детей Ивана Петровича. Константин Иванович говорил: «Жизнь старшего брата была для нас, его братьев и сестер, примером».

Одной из затей Якова был написанный им в 16-летнем возрасте дневник «О рождении сестры Марии Ивановны Полежаевой» на 10 рукописных страницах. Записи эти охватывают период с 19 декабря 1908 по 31 марта 1909 г. по старому стилю. Яша тайно замуровал рукопись в жестяной банке в стену дома на 3-м этаже. Предполагалось подарить её Марии в день совершеннолетия в 1926 г. Но в бурных событиях первой четверти XX в. о банке забыли. Её обнаружила при ремонте в 1972 г. проживавшая в квартире № 7 семья Лемеховых. Через Николая Васильевича Заикина рукопись передали в Боровский краеведческий музей (теперь МКК «Стольный город Боровск»), где она сейчас хранится.

Рукопись содержит интересные факты о быте семьи Полежаевых, о работе фабрики и участии в ней Якова, о событиях в Боровске тех далеких лет. При прочтении этих строк перед нами словно возникает портрет этого мальчика, образованного, вдумчивого, деликатного и воспитанного. Ему как старшему сыну должен был передать отец свое дело, своё производство, свой бизнес, если бы не переломы истории России…

А пока этот умненький купеческий юноша трудится над своей рукописью, не догадываясь о том, что она станет историческим документом, иллюстрирующим живую жизнь дореволюционного Боровска.

Вот этот дневник.

О. Ю. Соловьёва

О рождении сестры Марии Ивановны Полежаевой

(Дневник Якова Полежаева 1908–1909 гг.)

Наш родной город Боровск. Наш родной дом на Успенской ул. За 6 дней до Рождества морозы в 16–20 градусов сменились оттепелями. В нашем доме перехворали, пролежав по дню, по два, я, Костя, Петя, Мама, дядя Коля, тётя Маня, кухарка Анна, горничная Варя. Продаются билеты на лотерею пожарного общества, и розыгрыш назначен на 28 декабря с/г., а вещи, наиболее ценные из 50-ти, выставлены напоказ в шкафу магазина М. И. Санина.

19 декабря 1908 г., пятница.

В 8 час. 30 мин. утра, постучавшись в мамину спальню, я нашёл дверь запертою изнутри. Необычайная вещь — и причины должны быть выходящими из ряда обыкновенных событий. Я себе составил объяснение, и совершенно верное. Чай был позднее обыкновенного, но это случалось иногда после именин. Кроме Мамы, чай пили все. На фабрику, по обыкновению, я пошёл позже Папы и дяди Коли. Мороз сбавил: минус 10 градусов. Тихий зимний день. Конторщики ушли обедать. Телефон зазвонил. Папа сам вошёл в хозяйскую. Он спрашивал: «Всё, слава Богу? Ну, хорошо. Поздравляю с племянницей! Поздравляю с сестрой!» — сказал Папа дяде Коле и мне. «Благодарю Вас», — ответил я. Я подобного ждал.

Я хотел записать события и время рождения этой сестры, но боялся предрассудков бабушки. В этот день я не входил к Маме в спальню. Дверь из прихожей была заперта, ходили к Маме через кабинет. В прихожей пахло лекарствами, и слышен был плач новорожденной. Папа весел не был.

Мария Ивановна Полежаева.
На обороте надпись:
«На память мамочке от ее дочки
Марьюшки. Я все такая же, ничуть не
изменилась, не скучай, скоро увидимся.
М. Полежаева,
22 июля 1930 г. Ганджа».

20 декабря, суббота.

Иней висел. В обед заходил к Маме — у ней на голове компресс. Сестру назвали Маней. Она лежала на подушке, и я за разными платками не видел её лица.

Папа и дядя Коля сами рассчитали рабочих. У Ёжикова рассчёт назначен на 24 декабря.

21 декабря, воскресенье.

Потеплело. Папа и дядя Коля в конторе рассчитали размотку. День прошёл обычно. Папа лежал на Лениной кровати, было 10 час. вечера. Костя, лёжа на ковре у постели, декламировал, ошибаясь, «Василия Шибанова». Папе принесли телеграмму — ответную о батюшке.

Встав в 6 час, до 8 час. был в саду. Костя встал в 8:15. Полон низ дыму; из печки в прихожей дым, как из трубы. Покричала бабушка, произнесла оправдания горничная Варя; закрыла трубу, проглотив дыму, кухарка Анна; я открыл вентиляцию, и дым пошёл законным путём.

Полученная в ответ телеграмма извещала, что умерла Карасёва и что батюшка не приедет. Папа решил было отправить Маню крестить со мною, но другие, ссылаясь на тесноту в поездах и на слишком малое число шансов застать о. Максима дома, советовали звать его 28 числа, а пока подождать. Я сидел внизу прямо против больших часов, читал Шекспира и думал, где могу я сегодня очутиться. Но большинством голосов решено было Маню не везти.

Я ушёл на фабрику. До обеда приняли в последний раз мастерков. До 8 час. считали контору. Я кончил переписку «Инвентаря», данную мне Папой 4 дня назад, и, ни за что не принимаясь, болтался по конторе. За дядей Колей, ушедшим домой пешком, поехали Папа, я и Костя. За санями стучал привязанный чайный ящик, который я выпросил для архива. У тёти Мани прошёл насморк. Идёт снег.

23 декабря, вторник.

Липкий снег шёл всю ночь и валит хлопьями сейчас. Контору моют две поломойки из Моховой, над ними смеются обшивалки, пришедшие за расчётом и занявшие прихожую, загромождённую мебелью и ящиками. Для рассчёта обвязывальщиц все готово. Ждут только Папу и дядю Колю, чтобы получить от первого денег для выдачи и приказание их выдавать от обоих вместе. Но Папа, не кончивши с браком, пошёл с печником Баскаковым на минутку в кухню взглянуть на испортившийся куб, а дядя Коля, не видя его в конторе, отправился считать с Гришей лабаз. В конторе 3 кредитора Т/Д (*Торгового Дома. — Прим. Е. А. Полежаевой*) ждут Папу. Сегодня рассчитана вся фабрика и все работающие на неё. Из Москвы приехали Лена и Меренков Паша.

Снег нападал на 3 вершка. В 3 часа дня я за Папой шёл обедать. Сильный ветер со снегом не давал выйти на горку у церкви Рождества. Вьюга стихла к ночи.

24 декабря, среда.

Папа и дядя Коля ходили на 4 часа на фабрику. Я много времени насыпал в саду М. П. Глухарёвой гору [из снега]. Бабушка, Лена и тётя Маня заняты приготовлениями выпивок и закусок. Дядя Коля, сидя перед обедом в столовой, хлопал себя ладонями по коленям, говорил как о величайшем удовольствии, что завтра будет

есть утку в капусте или телёнка с картошками, и смеялся. Американец нечаянно убил свою жену, которую любил. В 8 час. 30 мин. вечера я и Костя легли спать. Папа спал в этой же комнате на моей кровати. Костя не спал 3 часа.

25 декабря, четверг.

В 8 час. 30 мин. утреня и часы, отмолились. Съездили на 2-х лошадях к предкам. Забор предприимчивого соседа стоит невредим, отгораживая от главной части погоста полосу земли 9×150 аршин с могилами Дедушки, Бабушки Марфы Акинфиевны, брата Гриши, умершего внезапно, [городского] головы Федота Васильевича Девятова и многих других. На могилах Гриши, Горушки, Миши, Нины, Саши и бабушки Марфы лежат тяжёлые обтёсанные серые камни, ждут уже год заказанные на них памятники, которые не шлёт их изготовитель, получив авансом из московской лавки крупную сумму.

Разговелись. В этот день повидались с крёстной [Клавдией Петровной Шутовой], дядей Петей Шутовым, тётей Сашей, Петей, Петром Петровичем Меренковыми, тётей Аннетой и дядей Петей Саниными, Виталием Матвеевичем Виноградовым, Михаилом Ивановичем Саниным, Пафнутием Егоровичем, Клавдией Васильевной и Иваном Поликарповичем Капыриными. Некоторые приходили к нам, других — я навестил. У Меренковых просидел недолго, выпил чаю и ушёл, но от ворот воротился и зашёл вниз, там проговорил с Михаилом Акинфиевичем Меренковым часа 2.

В Пастуховском переулке у Мастерова-Крымова на огороде в 3 часа дня сгорела на бане крыша, и обгорела баня внутри. Дружинников Вольного Об-ва собралось человек 15, пожарные в дело не попали.

26 декабря, пятница.

1 градус холода. Я, Костя и Папа ходили в 6 ч утра к часам*, застали утреню. 3 дьячка по заведённому порядку приходили после часов славить Христа, их напоили и накормили. Я, Лена, Лиза [Хомутинникова] и Меренков Паша ходили к крёстной. Там были 2 барышни — Маня и Катя в чёрных фартуках — учатся, кто такие — точно не знаю, и Дмитрий Агафонович Провоторов. Пили, ели, главное — слушали граммофон, ушли через 3 часа. Мама лежит.

27 декабря, суббота.

Холод 1–3 градуса. Папа, дядя Коля и тётя Маня вечером были у Шутовых.

28 декабря, воскресенье.

Я и Костя часы проспали. 1,5 градуса холода. Мама ходит по комнатам вверху. В 11 часов получили телеграмму о батюшке.

29 декабря, понедельник.

Контора «выхаживается» после праздников. Батюшка приехал с дьячком Степаном Петровичем. В 8 час. вечера в Лениной комнате окрестили Маню и 3-х младенцев городских. Крёстные Мани — Николай Петрович и Мария Яковлевна Полежаевы. Звали Евстахия Авксентьевича и Ивана Чичкина.

---

* ходить в церковь к часам — ходить к утренней 6-часовой службе.

Чаепитие в садике за домом
на ул. Успенской:
Мария Яковлевна Полежаева (12)
с сыном Иваном Петровичем (5),
его женой Зиновией Яковлевной
(8) и их детьми Петром (2),
Константином (7), Еленой (13)
и Яковом (14); с сыном Николаем
Петровичем (9); с дочерью Клавдией
Петровной Шутовой (10)
и её дочерью Анной (11);
с внучкой Анной Меренковой (6).
Боровск, 1904 г.

Дом Полежаевых
в имении на р. Бобровка.
1910 г.

Товарищеский обед на Бобровке.
Зиновия Яковлевна Полежаева (7) с детьми Петром (1), Константином (5), Яковом (6) и Ольгой (14); Пафнутий (2), Яков (3), Михаил (4), Александр (8), Александра (9) и Юлия (10) Санины; Елизавета (12) и Василий (13) Хомутинниковы; Анна Меренкова (11).
1909 г., июнь.

На нижней террасе с южной стороны дома усадьбы на р. Бобровке. Зиновия Яковлевна Полежаева (14, урожд. Фалеева) с детьми (снизу вверх, слева направо): Яковом (11), Константином (4), Петром (9) и Ольгой (1); Ираида Петровна Хомутинникова (13, урожд. Полежаева) с детьми Елизаветой (5), Варварой (10), Василием (8), Ниной (7), Серафимой (3), Пафнутием (2) и Петром (12); Мария Михайловна Полежаева (15, урожд. Капырина); Николай Акинфеевич Меренков (6).
1909 г.

30 декабря, вторник.

10 градусов холода. В 7 час. утра батюшка служил в конторе в хозяйской комнате молебен с водосвятием. Контору и корпуса покропили. Были Бабушка, Папа, Батюшка, я, Петюшка, батюшкин дьячок Степан Петрович и 2 старухи. Батюшка с трудом вошёл по лестнице в сновальню — старость.

Мама ходит вверху. Маню в лицо до сих пор не видал. Сильно больна Шутова Анна Михайловна. Говорят, едва ли останется жива, а умрёт — Семён Васильевич сойдёт с ума.

Сегодня ёлка Пожарного общества в управе. Разочли сторожа при конторе Егора Сидорова Матвеева за то, что уходил из конторы без спросу, и на его место поставили из дворников Алексея Иванова Семёнова.

28 марта 1909 г.

Разочли Василия Алексеевича Венедиктова за пьянство, он прожил у нас 15 лет. Река не трогается. Завтра Пасха, а снегу — не пролезешь, да и понемножку подсыпает с неба. У отца Карпа в моленной на Успенской ул. повесили на колокольню 320 пудов звону.

Маня смеётся, смотрит, плачет, работает руками и ногами — всё что угодно, только не говорит. Лотерею в Б. П. О. (Боровском Пожарном Обществе) разыграли 4 февраля. Шутова [А. М.] вполне здорова. Умерли Масловская Варя и Емельянов Дмитрий. Красильный мастер Е. У. Гайзлер говорит: «Замучился, так работать не могу». Его разочли и дали 100 руб. И. А. Сельский за день до окончания работ в конторе взял расчёт и запил. В торговле застой.

31 марта, 3-й день Пасхи.

Пасха обычная. На первый день утром в 10–12 час. на санинском дворе в нижнем этаже стоящего налево дома сгорела часть переборки. Удивительно, что и этот дом и весь наш двор не сгорели.

Папа пробыл 2-й день с визитами. Дядя Коля на 3-й день не пошёл к часам, а ездил с тётей Маней в монастырь. Оля удивляет всех своей смышлёностью. Петя в настоящее время — маменькин сынок и капризен. Костюшка всем помогает, со всеми всё готов делать, много знает по домашним делам, но в 3-й четверти получил одну тройку и за обедом поплакал. Лена щеголяет по гостям в новом костюме и шляпе. Читает, когда есть охота. Мама не противоречит Папе, а тот — голосу трудолюбия, целям развития фабрики и самому себе. Тётя Маня с характером, за собой следит, любит рассказать. Бабушка одобрительно говорит о том, что делает сама, но больше ворчит о том, что делают другие. Ездит в моленную на каждую службу.

Яков Полежаев.

В написанном выше всё согласно с бывшим.
Подписи: Елизавета Хомутинникова,
Константин Полежаев.

Печать

Примечание об упоминавшихся в тексте родственниках Якова Полежаева:

- *Дедушка и Бабушка — Пётр Михайлович и Мария Яковлевна Полежаевы.*
- *Папа и Мама — Иван Петрович и Зиновия Яковлевна Полежаевы.*
- *Лена, Костя, Петя, Оля — родные сёстры и братья Якова.*
- *Гриша, Горушка, Миша, Нина, Саша — умершие малолетними родные братья и сёстры Якова.*
- *Дядя Коля и тётя Маня — Николай Петрович (родной брат отца Якова) с женой Марией Михайловной.*
- *Лиза [Хомутинникова] — двоюродная сестра Якова.*
- *Бабушка Марфа Акинфиевна [Голофтеева] – родственница Марии Яковлевны Полежаевой.*
- *Крёстная — Клавдия Петровна Шутова, родная сестра отца Якова.*
- *Меренковы, Капырины, Санины — родственники Александры и Анны, родных сестёр отца Якова.*

Родители Якова: отец — Иван Петрович Полежаев в мундире городского головы *(Боровск, 1906 г.)*
и мама — Зиновия Яковлевна *(1907)*

Клавдия Петровна Шутова (урожд. Полежаева), крёстная Якова, с мужем Петром Васильевичем и дочерью Анной. *1908 (?) г.*

Дом с флигелем (ул. Калужская, 120–122), принадлежавший до 1918 г. семье Клавдии Петровны Шутовой (урожд. Полежаевой).
Боровск, 2002 г.

Ткацкая красильно-аппретурная фабрика Торгового Дома «П. М. Полежаева сыновья». 1906 г.
Деревянные корпуса конторы (слева, построена в 1894 г. ?) и женских спален (справа, построена в кон. 1890-х гг ?), каменные — 2-х этажный корпус фабрики (в центре, построен в 1893 г.) и справа за ним — красильни с сушильней и котельной с трубой (построены в нач. 1900-х гг.?)

Яков Иванович Полежаев
с братом Константином
и дядей Николаем
Петровичем.
Калуга, 17 сентября 1914 г.

Началась война.

Небывалый подъем патриотизма охватил многие города Российской Империи. Боровск не стал исключением. Митинги, молебны о даровании победы нашему христолюбивому воинству над врагами, Комитеты по оказанию благотворительной помощи стали приметами времени. Многие записывались добровольцами на фронт, кого-то призывали по мобилизации. Высочайшими указами Сенату от 18 и 21 июля 1914 г. было объявлено о призыве на действительную службу ратников ополчения I разряда. В 1914–1915 гг. ополченские части формировались в соответствии с мобилизационным расписанием 1910 г. Части государственного ополчения соединялись в бригады, дивизии и корпуса, при которых формировались лазареты, перевязочные отряды. Части государственного ополчения принимали участие в боевых действиях на фронтах, осуществляли охрану железных дорог, этапов и транспортов, ремонтно-строительные работы в тыловых районах фронтов.

С началом Первой мировой войны Яков Полежаев без колебаний отправился на фронт в рядах ополченцев вместе с фабричными рабочими, с которыми был дружен. Испытал тяжёлую солдатскую жизнь в качестве рядового пехоты, участвовал в боях при отступлении из-под Кёнигсберга. В дальнейшем прошёл Школу унтер-офицеров и 1 августа 1915 г. был произведён в прапорщики. Затем его направили под Ригу, где стояла его калужская дружина 937. Непродолжительное время полк, в котором служил Яков, располагался в Пскове. Здесь в июле 1915 г. его навещали отец и брат Константин. С ними Яков уехал 3 августа в 8-дневный отпуск в Боровск.

Письма его с мест службы полны энтузиазма, свойственного тогда российскому обществу. На обороте своих фотографий, посланных сестре Елене и тёте Клавдии Шутовой, такие слова: «Вы-

У «синего камня» рядом с плотиной на р. Бобровке.
Слева направо: Яков (1) и Елена (2) Полежаевы, Капырина? (3), Елизавета Хомутинникова (4), Клавдия Капырина (5), урожд. Меренкова, с мужем Иваном Поликарповичем (6).
7 сентября 1911 г.

ступаем на врага!», «Да здравствует Россия!», «За Царя! За Русь! С нами Бог! Ура!»

Яков вёл дневник. Я держу в руках блокнот размером 16×10 см с пожелтевшими от времени страницами. Начат дневник 29 апреля 1915 г. Части 1 (с 16 июля 1914 г.) и 2 (с 16 октября 1914 г.) утрачены. В сохранившемся дневнике (часть 3), написанном мелким красивым почерком, на 45 страницах подробно рассказывается о буднях солдатской жизни, о специфике подготовки ополченцев, о психологии военной школы, авторитете офицеров, автор называет подлинные места сражений и реальные события. Эти строки, полные вдумчивых рассуждений о войне, о чести и долге перед Родиной, наблюдений, юношеского пыла и порой максимализма, являются не только историческим документом, но и образцом интересного и яркого художественного текста, это голос эпохи, звучащий издалека. Словно в капле воды, в дневнике Яши отражаются события, ставшие роковыми в истории нашей Родины: революционные брожения среди солдат, излишняя демократизация русской армии, панические настроения среди офицерства. Вот как об этом рассказывает в своей книге «Последняя война Российской империи» писатель-историк Сергей Цветков, приводя слова генерала Нокса: «Нельзя не удивляться тому, что многие из выдающихся начальников настолько подавлены убеждением в техническом превосходстве немцев, что считают, что немец "все может"… Среди солдатской массы было много случаев сдачи в плен и дезертирства в тыл. Предпринимаемые строгие меры наказания, по-видимому, мало действительны…»[1]. Эти слова как будто перекликаются с наблюдениями Яши.

Последняя запись дневника сделана Яковом утром 18 октября 1915 г. В тот день его отправили в действующую армию. 26 октября 2015 г. на марше под городом Шлок рота попала в засаду. Яков был тяжело ранен в живот. Этот день и последовавшие за ним события записала со слов Якова в его дневнике мать Зиновия Яковлевна, приехавшая с мужем в Ригу 1 ноября. Яков Иванович умер в госпитале 8 ноября через 13 дней после ранения.

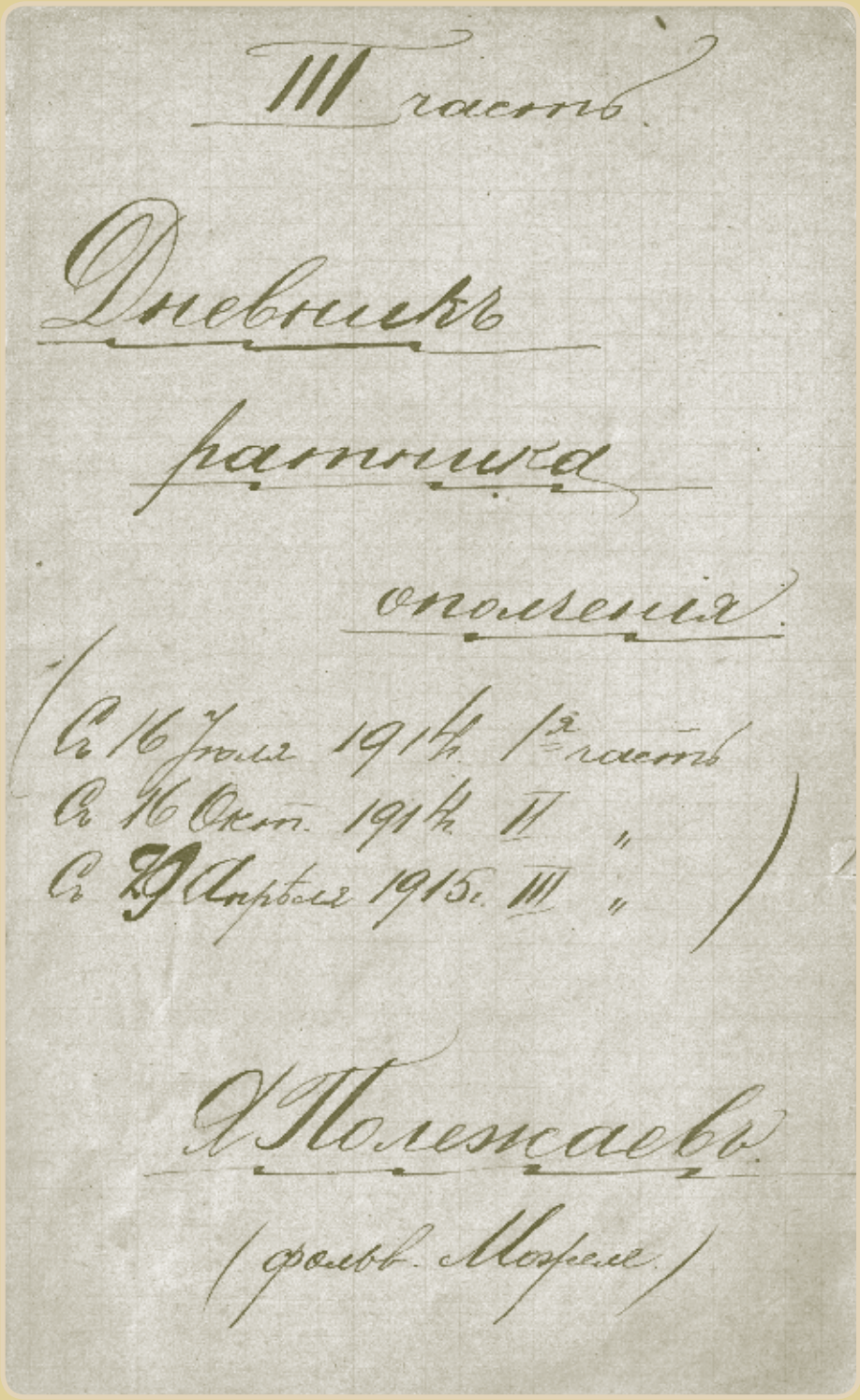
По-видимому, ухудшение состояния Якова началось с 3 ноября, т. к. с этого дня прерываются записи Зиновии Яковлевны в его дневнике. Тело Якова перевезли в родной город Боровск и похоронили на фамильном участке Записного старообрядческого кладбища на ул. Московской. Рабочие фабрики в день похорон возложили на гроб венок с надписью: «Другу рабочих, защитнику Родины Якову Ивановичу Полежаеву». На обороте фотографии Яши рукой его отца было написано: «Вечная память тебе, дорогой страдалец за Родину».

О. Ю. Соловьева,
Е. А. Полежаева,
П. С. Соловьева

[1] Цветков С. Последняя война Российской империи. — М.: Классика, 2016. — с. 98–99.

Выпускник Школы прапорщиков Яков Иванович Полежаев. *17 сентября 1915 г.*

На обороте этой фотографии рукой отца Якова написано: «Вечная память тебе, дорогой страдалец за Родину».


III часть.

Дневникъ

раненаго

ополченія.

(С 16 Іюля 1914 г. I-я часть
С 16 Окт. 1914 г. II "
С 29 Апреля 1915 г. III ")

Я. Полежаевъ.

(фельд. Морале.)

Первая страница III части фронтового дневника Якова Полежаева

Дневник ратника ополчения[1]

III часть

С 16 июля 1914 г. I часть
С 16 окт. 1914 г. II часть
С 29 апреля 1915 г. III часть
Я. Полежаев.
(фольв. Можеле)

Все даты до февраля 1918 г. даны по старому стилю, последующие — по новому.

[1] Высочайшими указами Сенату от 18 и 21 июля 1914 г. было объявлено о призыве на действительную службу ратников ополчения I разряда. В 1914—1915 гг. ополченские части формировались в соответствии с мобилизационным расписанием 1910 г. Части государственного ополчения соединялись в бригады, дивизии и корпуса, при которых формировались лазареты, перевязочные отряды. Части государственного ополчения принимали участие в боевых действиях на фронтах, осуществляли охрану железных дорог, этапов и транспортов, ремонтно-строительные работы в тыловых районах фронтов. СОЕДИНЕНИЯ И ЧАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918) 843 ф., 27 406 ед. хр., 1903–1918 гг., описи.

В первой сторожевке[1]

29 апреля мы грузимся на ст. Митава[2] и выезжаем утром в Альт-Ауц[3]. Ненадолго. Снова в поход. В сторону на юг от Муравьева[4] мы заняли сторожевку. Войска полка нами смененные — всё новобранцы — хуже нас, грешных, ушли вперед. Хорошо мне живется. Как адъютант у ротного. Идем вечером поверять посты. Составляем сообща донесения, я ему черчу кроки. Люди по сараям, по окопам, а я с ротным в комнате. Но ночью хожу сменить унтер-офицера поспать. Но вот внезапный приказ, и мы идем на Лайжев[5] (?) — 11 верст и оттуда прямо еще верст 20 до Муравьева, где и останавливаемся. Через немного дней наши 1-й, 3-й и 4-й взводы (2-й при штабе) с 2-мя взводами 3-й роты отданы в распоряжение драгунского полковника. Бравые люди. Кони в порядке, сами красавцы. Немцами щипаны мало были. А наши ротные струсили. Нас отправили к драгунам, а сами без рот остались в Муравьеве. Вот ночь на 12 мая, мы отошли за Муравьев к немцам на 11 верст. По пути, в Тыркшле[6], часочка два поспали, и к 6 час. утра с крыши сарая видим за полторы версты немецкие окопы. В бинокль сереют нагло их спины на насыпи окопа. Вот мерзавцы; резвятся, играют в чехарду. Дело-то вот в чем… За делом мы пришли… Чудный драгунский поручик объясняет нам план наступления: мы должны выбить немцев. Я командую 3-м взводом, он в резерве. Версту ползли мы под огнем. Но вот наши зашли им в фланг. Над нами рвется шрапнель. Вот прямо над головой прогудел стакан. Ой, уж даже больно… Отдаются немецкие прямые выстрелы. Ребята думают, что это разрывные пули… А они поют сверху, но никого не задели из ста наступавших. Немцы бежали. Подожженный мост потушен. В их окопах находим телефон, белье, хлеб. Ночь сторожим.

Рассвело. Продвигаемся на 2 версты. Сторожили здесь 5 дней и рады-радешеньки, возвращаемся в Муравьев. А он в пепле. Половина сгорела в наше отсутствие. Помещаемся в школе против [*неразб*.], на новом месте 2 дня, идем за 3 версты: в сторожевку на реку Венту, а 2 дня следующие копаем окопы с саперами. Слышна изредка канонада. Но что за трусость? Позор! Могила, пули. Что за настроение у моих солдат. Я взводный. Все обленились страшно. Нет готовности жертвовать собой. Они ругают русские порядки, начальство. Малодушно разглашают нелепые слухи немецких побед и наших отступлений. Винят во всем начальство, а сами не

---

[1] Боевое дежурство (производная от «сторожить, настораживаться») — военный лагерь или операция.

[2] Елгава (латыш. Jelgava; историческое название Митава, нем. Mitau) — город (с 1573 года) в Латвии, в 1578–1795 столица Курляндского герцогства.

[3] Альт-Ауц(нем. Alt-Autz). Город с. 1924. Ауце(латыш. Auce(инф. / — город в Латвии, административный центр Ауцского края.

[4] Сегодня — город Мажейкяй в Тельшяйском уезде Литовской Республики.

[5] Может быть, Лайжево — местечко, Шавельский уезд, Ковенская губерния.

[6] Тыркшле (1913) — местечко, Тельшевский уезд, Ковенская губерния.

хотят потрудиться нисколько без ропота и пререканий. Ужасная создается атмосфера: нервы обнажаются, жизнь становится не мила.

А тут и правда немцы поперли нас с Карпат. Перемышль отдан… Да они всё возьмут!.. Лучше под пулями ползти да без ропота, чем жить с такими солдатами.

28 мая иду на Митаву и, повидавшись здесь в команде из Штаба с 12-м Георгиевским, пойдем к 30-му во Псков.

Что здесь нового? Ничего нет. Есть офицера деляги, а есть и шваль.

Но, Слава Тебе Господи за жизнь!.. Живем чиновниками. Спокойно.

День в Школе

Сон к утру чуткий. Другие уже встали. Вдруг резко прокатывается по казармам в 6 ч. утра сигнал «Вставать». В 6 идем пить чай сладкий с булкой. В 7:00 до 11:00 на занятиях. «Дай ногу», «Чище делать» слышится до 10; затем «Звено за мной вперед бегом».

«Сколько осталось?» — смотрим на часы. Опротивела эта муштровка: всё знаешь, а тут с неучами снова тянешь. Но вот без подсчетов отбивая [неразб.] 100 чел. такт, идем вздвоенными рядами в казармы. Живо смахнуть пыль с сапог. Строимся идти на обед. Становимся на молитву за столами. Гулко гремит общий хор. Вдруг «Встать! Смирно!» тучная фигура с седой головой начальника Школы. Он пробует пищу и зорко смотрит и всё видит.

Пообедав, до 2-х отдых. Все [неразб.] спят. С 2—4-х до чаю занимаемся словесно. С 4:00–5:00 — чай дуем с 5-копеечной булкой и с 5:00–7:00 обычно что-нибудь с винтовкой. С 8 до 9 — ужин и поверка, а в 12 все должны спать.

Офицер наш, подпор. Андреев, человек умный, энергичный, но порывистый. В преподавании его нет шаблонности, скуки. Дает всё образно; видимо, ему самому эти избитыя[7] тексты уставов не нравятся. Зато что практически важно или иногда красочно, красиво — того он не упускает. Сам идеал воинской выправки и смекалки. Силен, ловок, умён, озорен прилично, суров и, видимо, много о себе понимает хорошего. Да честь и слава ему; ведь и на солнце есть пятна; он именно озорен, но озорен законно, тактично и в духе именно нашего века. Его и мой характеры разнятся: он человек напора. Блещет внешностью; но что под этой золотой мишурой? Тоже золотая середина или пропасть. Он великолепный актер; я же безличность. Он бьет своим «Я», а через меня действует лишь воля совершеннейшего, т. е. покуда я не обличен силою власти, властью капитала, оружием духовнаго[8] обличения, я не действую. И не смирит ли его гордыню Господь при всем его великолепии?

[7] Особенности дореволюционного правописания.

[8] Особенности дореволюционного правописания.

Что нового для меня?

Нова жизнь. Сама обстановка. Товарищи уже не мужички, а часто семейные люди, занимавшие среднее положение в жизни. Чиновники, бухгалтеры, землевладельцы, торговцы, землемеры, архитекторы. Странно сначала казалось. Люди, одинаково служащие Отечеству, как и солдаты. И вдруг сразу пользуются полными удобствами. За что? За то лишь, что они привыкли так жить. Я смотрю на это отрицательно. Я любуюсь всегда солдатом, который сутки в наряде, ест, что сварит, чай пьет, который сам вскипятит, спит на голой доске, и кроме забот у него нет. Единственное, что я прибавил бы к этому типу солдата для получения образцового офицера, это чтобы при всей подобной тягости жизни офицер сохранял бы живой дух дисциплины, бодрость и отвагу духа. Чтобы он еще нес и умственный труд о своих подчиненных. Тогда действительно солдаты (бы) видели образец.

Интересна для меня система дисциплины или [*неразб.*] выправки Андреева. Он не скупится на наряды. Люди из шкуры лезут. А потом тем, что выдвинулись из наказанных, снимает наказание. А то и со всех, если весь взвод подтянется.

Затем его манера преподавания: образность, показ и при приподнятом внимании требует точности исполнения, всё усиливая наказания за ошибки. Сразу добивается образцового исполнения приема, а не вымучивает людей, делая его безконечное[9] число раз. Но зато пять потов сгонит, пока не добьется быстрого рассыпания напр. в уст. [*неразб.*] «отставить, [*неразб.*] бегом».

[9] Особенности написания приставок — без-бес. Яков вырос в патриархальной старообрядческой семье.

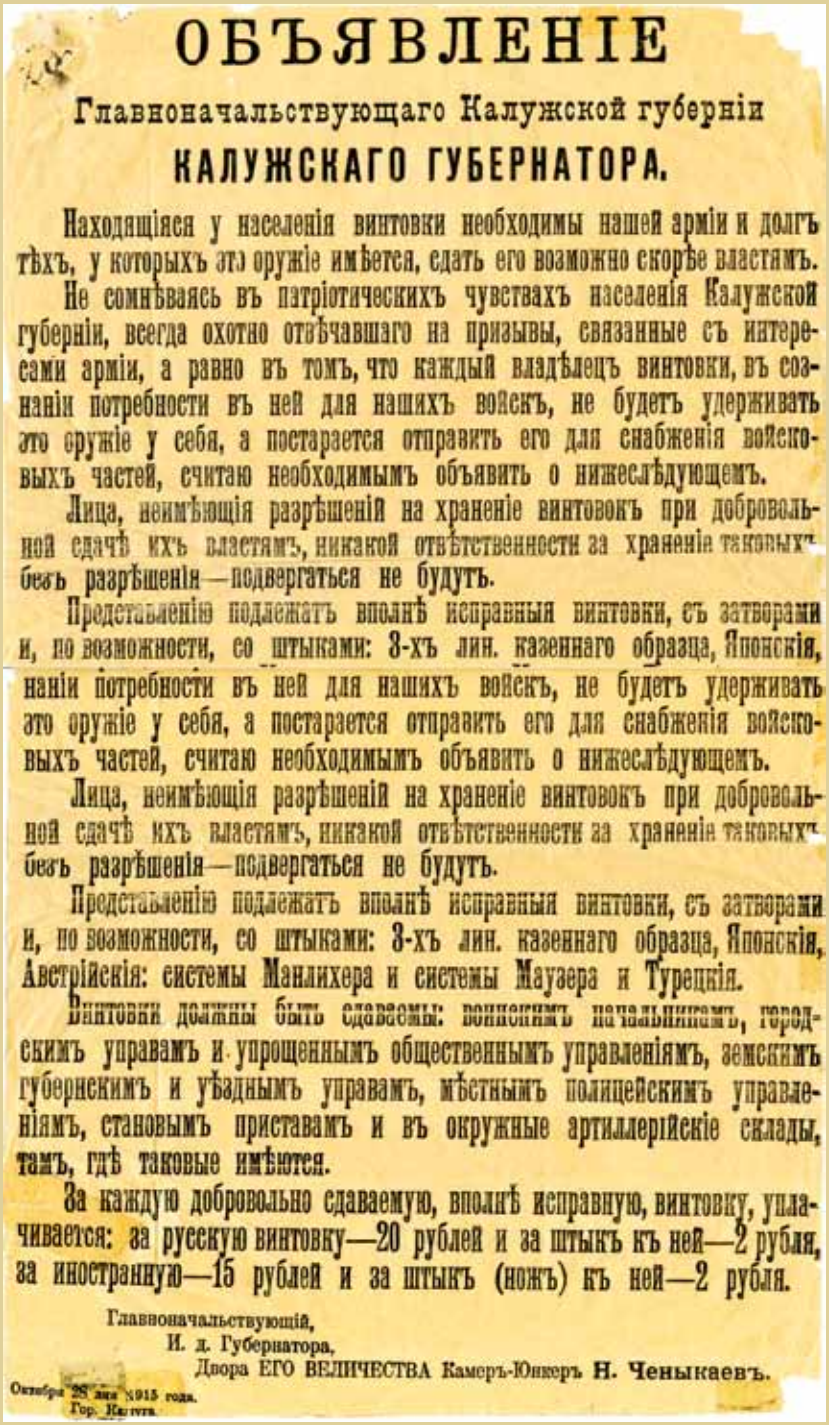
Внезапная проверка или степени знания, или усердия людей. Внезапно встречает взвод в казарме и, найдя безпорядок[10]: открытые прежде времени затворы, отсталые от строя люди, дает наказания высшей меры. Из кустов подсмотрит, что люди не в ногу идут, на словесность — ставит на 5–10 мин. «Смирно». Внезапно осматривает винтовки, содержание кроватей. Легко дает пример ружейных приемов и отдания чести, высмеивая движениями тех, что плохо исполняют. Легко ориентируется во всякой обстановке для показа напр. Говорит: «Это не дом, а гора, не труба, а куст», «Это не гусь, а будка, это не люди, а колышки для разбивки окопов. Эта земля не сад, а лес, и не рядом, а в 1 версте». Объясняет все ясно, понятно, а, например, что его не интересует — «Уголовные законы», — то он и не касается их. Вообще он любит добиваться эффектного исполнения, на что и уходит много времени, а не гонится за тем, чтобы побольше показать приемов.

В команде его замечателен оттенок непосредственного чувства. Команда раздельная, музыкальная с оттенком насмешливости иногда. Спокойная и не крикливая. С выражением и самыми своеобразными интонациями всякий раз в отдельности. Не допускает никакого двоемыслия в строю. Ясно указывает с первым счетом, вот со вторым и т. д., и раз навсегда.

Есть своеобразныя[11] слова, например: «некчемный пскопской» — т. е. незнающий-зевака-лентяй; «корявые» — люди, портящие стройность фронта неловкостью; «выше нюхала», «вперед до приклада, назад — до неба»; «нос на солнце»; «чтобы земля от ноги провалилась».

[10] То же.

[11] Особенности дореволюционного правописания.



ОБЪЯВЛЕНІЕ

Главноначальствующаго Калужской губерніи

КАЛУЖСКАГО ГУБЕРНАТОРА.

Находящіяся у населенія винтовки необходимы нашей арміи и долгъ тѣхъ, у которыхъ это оружіе имѣется, сдать его возможно скорѣе властямъ.

Не сомнѣваясь въ патріотическихъ чувствахъ населенія Калужской губерніи, всегда охотно отвѣчавшаго на призывы, связанные съ интересами арміи, а равно въ томъ, что каждый владѣлецъ винтовки, въ сознаніи потребности въ ней для нашихъ войскъ, не будетъ удерживать это оружіе у себя, а постарается отправить его для снабженія войсковыхъ частей, считаю необходимымъ объявить о нижеслѣдующемъ.

Лица, неимѣющія разрѣшеній на храненіе винтовокъ при добровольной сдачѣ ихъ властямъ, никакой отвѣтственности за храненіе таковыхъ безъ разрѣшенія—подвергаться не будутъ.

Представленію подлежатъ вполнѣ исправныя винтовки, съ затворами и, по возможности, со штыками: 3-хъ лин. казеннаго образца, Японскія,

наніи потребности въ ней для нашихъ войскъ, не будетъ удерживать это оружіе у себя, а постарается отправить его для снабженія войсковыхъ частей, считаю необходимымъ объявить о нижеслѣдующемъ.

Лица, неимѣющія разрѣшеній на храненіе винтовокъ при добровольной сдачѣ ихъ властямъ, никакой отвѣтственности за храненіе таковыхъ безъ разрѣшенія—подвергаться не будутъ.

Представленію подлежатъ вполнѣ исправныя винтовки, съ затворами и, по возможности, со штыками: 3-хъ лин. казеннаго образца, Японскія,

Австрійскія: системы Манлихера и системы Маузера и Турецкія.

Винтовки должны быть сдаваемы: волостнымъ начальникамъ, городскимъ управамъ и упрощеннымъ общественнымъ управленіямъ, земскимъ губернскимъ и уѣзднымъ управамъ, мѣстнымъ полицейскимъ управленіямъ, становымъ приставамъ и въ окружные артиллерійскіе склады, тамъ, гдѣ таковые имѣются.

За каждую добровольно сдаваемую, вполнѣ исправную, винтовку, уплачивается: за русскую винтовку—20 рублей и за штыкъ къ ней—2 рубля, за иностранную—15 рублей и за штыкъ (ножъ) къ ней—2 рубля.

Главноначальствующій,
И. д. Губернатора,
Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Камеръ-Юнкеръ **Н. Ченыкаевъ.**

Октября 28 дня 1915 года.
Гор. Калуга.

Объявление Главноначальствующего Калужской губернии калужского губернатора, адресованное населению губернии, о сдаче властям оружия, которое необходимо русской армии.
28 октября 1915 г.
(Хранится в фондах МКК «Стольный город Боровск»)

Здесь я только понял тайну чистоты приемов «на кра-ул» и «на пле-чо». Нужно руку сгибать лишь в локте. Также правило отдачи чести или подход с рапортом к начальнику. Некоторая отчетливость получается теперь и в взводном учении, а также в ротном. Новы приемы стрельбы по кавалерии из колонны по отделениям.

Полны новизны приемы действия пехоты в бою. Обходы. Строгая выдержка намеченной цели. Связь условными знаками. Выбор подступов к противнику с составлением [*неразб*.].

Общий же характер Школьной жизни для меня таков, что я лишь еще слегка отшлифовался. Умнее того, кто ничего не знал. А мне иногда приходилось разучиваться. И Андреев некоторые вещи не по Уставу показывал, но, раз показавши, на этом и оставался. А не знающих 90 %. Всё писаря. Винтовки в руках не державшие. Иногда обидно было вместе с ними маршировать. Но с уставами здесь придется ознакомиться еще полнее. Да было и новое. А [*неразб*.] я не смогу сказать в каких. Замечания получаю наряду со всеми. Похвалы ни одной не заслужил.

Авторитет офицера

Едва, едва стали немножко обламывать нас, как вдруг как раз после занятия Андреев спрашивает: «Кто что хочет спросить?» Я вышел и тихо у него спросил, что мы в учебной команде при захождении шеренги плечом имели человека с головой, повернутой вдоль фронта на заходящем фланге. Почему же он учит обратное? Он насмешливо сказал, чтобы я почитал Устав и смутил меня, спросив, какой был у нас взводный офицер в учебной команде. Я не мог припомнить фамилию Ивашкевича и молчал. После я показал ему это в Уставе, но он свою команду не отменил, и эту несуразицу все делают по сей час. Но в других взводах это исполняется согласно моего замечания. Вначале после позиции было очень легко, и я распустился. И сразу попал на 4 наряда не в очередь. Неделю без отпуска с записью в журнале взысканий. Идем вечером в казармы, а на верхней площадке держит [*неразб*.] служитель 4 бутылки ситра. Я остановился на 1/2 минуты. Выхожу во двор, а Андреев тут как тут. Нарядов хотя не несу, но позорная записка из-за ситра осталась: «За своевольное оставление строя».

Это наказание я получил 19 июня.

Война началась 19 июля. Ряд мой в отделении 19. Жребий при ставке 19. Дума откроется 19 июля. Состоял в 19 корпусе. Дума открывается в 1 час 9 минут. Попал в журнал взысканий 19 июня. Переехал в [*неразб*.]

Анненгоф 19 августа.

Что будет?

Что Господь даст! А именно: покуда люди не раскаются в своем эгоизме, покуда они будут жить лишь для себя, Господь не даст полного торжества над угнетателями-немцами. А кто теперь уже раскаялся? Кто готов идти в жертву за брата? Солдат — да! Но офицер — уже нет! Они уже берегут свою особу для будущаго боя[12]. А отсюда и солдат-то не рвется в бой. А только по долгу службы скрепя сердце умирает. А наш тыл? Да никто! Никто не чувствует войны!

Если бы у нас приблизительным образом собрали силы страны. Ну, правительство, скажем, обобрало бы у всех по известной сумме денег. Или лучше хлеба. Вообще заставило бы страдать население за счет удобства армии, тогда и сами жители встряхнулись бы. Поняли бы, что жертва нужна. Немецкий обыватель давно это понял с тех пор, как конфисковали картошку и хлеб. Каждое существо дает наибольшую продуктивность труда, когда увидит или почувствует боль, гибель. Покуда не застонет русский тыл голосом боли, наносимой пока не врагом, а своими руководителями, до тех пор он не окажет поддержки героической армии. Да будет Господня воля! А пока немцы нас гонят по всему фронту. От Галиции до Риги. Не удивительно, если они заставят отдать им и Варшаву, и Ригу. Митава очищена, слышим от жителей. Их кулак тяжелей нашего. Но наступит зима. На войну нужны средства. А мы не должны отдавать им цветущих городов. Должна быть решительность. Пусть возьмут не Варшаву, а груды камня и кладбища их защитников. Пусть возьмут не привольный край, а обуглившуюся пустыню. Эта решимость у нас должна быть. Вспомним Полтаву, вспомним 1812 год. Но те войны были игрушки сравнительно с этой. Так пусть остается врагу лишь горький дым. Ведь мы же не пользуемся ничем, когда немцы отходят. Контрибуций не берем. Всюду лишь развалины.

О вышесказанном авторитете офицера

21/VII 1915

Нет-таки, он прав, и я тоже, конечно. Андреев перед самым экзаменом исправил свою ошибку, но так, что, кроме меня, никто, пожалуй, на это не обратил внимания. И то ведь ему страшновато: а ну как на смотру да скажут ему: «А почему при захождении плечом шеренги заходящий не поворачивает головы по фронту, а стоящий поворачивает? Да, это не верно». Вот он и переучил вдруг вчера, но так как многие уже смешали в голове все команды с новыми ротными, то никто на это не обратил внимания.

[12] Особенности дореволюционного правописания.

Горький результат

Не знаю, почему, не знаком ли Андреев с психологией? Или ему просто не повезло, или он сам чем-либо себе навредил своей заносчивостью, но полковник положительно зарезал наш взвод по строевому экзамену.

Нигде не было такого строя, такого трепета в строю, таких гонок бегом и столько «отставить», как в 1-м нашем взводе. Наши взыскания не ограничивались лишением отпуска и постановки. Но у нас был длиннейший список попавших в штрафной журнал.

В других взводах этого не было. За ошибку, за непонятную команду приходилось здорово расплачиваться. Наряды летели как из рога изобилия. За шевеление, за неточный ответ. Иногда вечером наряды снимались, но не всегда, так, например, я попал за лимонную воду 19/VI, когда один раз за всю школу на 1/2 минуты отстал от строя. Это меня страшно оскорбило. А теперь я вижу, что и у самого Андреева как бы в отместку за наши сухие слезы не задались экзамены.

До экзаменов 1-й взвод считался передовым во всех отношениях: по дисциплине, строю, по словесности, ругаться было нельзя.

И вот 3-й взвод на экзамене получает «спасибо» за «спасибо» полковника, а 1-й и 2-й «скверно» и «учиться надо»!

И 2 взвода проваливаются. После 1-й держит переэкзаменовку по [*неразб*.].

В заключение 1-й взвод был отпущен из школы в последнюю очередь.

Вот результаты! Вот к чему привело устрашение, [неразб.] и нетерпимость самосознания и справедливости. При всех его выдающихся качествах. Образного объяснения и способности быстро добиваться надлежащего исполнения при помощи системы: «Отставить, возьмите себе 8 нарядов за невнимание!»

Говорят, что Андреев давно живет с одной, и теперь у него официальная свадьба. Киренскому мы поднесли золотые часы за 150 р. Андрееву — портсигар за 210 р.

Подарок был, конечно, не официально.

Силогина стена

Во Пскове. Из грунтового песчаника. Огромной длины, опоясавшая весь город. По этой стене ходил и насматривался её Костя[13] с 26 Июля по 3 Августа 1915. И как теперь безсмысленна эта стена, [также] безсмысленно кажется [Танино] и [*неразб*.]. В Пскове пребывание в 9 дней.

[13] Константин Иванович Полежаев, младший брат Якова, видимо, приезжавший в Псков с отцом навестить Якова.

1-го нас произвели [в прапорщики] и 2 дня еще держали, т. к. [*неразб.*] массу назначений. Канцелярия и задержала. 2 субботы, 2 воскресенья и понедельник я гулял со своими папой и Костей. В остальные дни едва виделись урывками, а 3-го вечером все отбыли на Петроград — Москву. И 4-го в $8^{1/2}$ был в «стоглавой». Затем в ночь на 5-е я уже в Боровске. 5, 6, 7, 8 и 9 гуляю. 5 — Среда — и 6 — в гостях, 7 на [Бобровке], 8 у [*Крёсеньке*] и Аленушки[14-0], и 9 дома. 10 и 11 в Москве. К 12 ч ночи [11/12 с/м] с почтовым вагоном впятером на Ригу.

Во второй линии

19 Августа 1915 года из [Заленгофа], предместья Риги я с [Осип. Осип.] и Прилуцким, а с нами и 4 рота [… друж.] сделали переход в [Спаде] 16 в. от Риги. Отсюда роты должны будут ходить на работы. Ос. Ос. останется с ними, а Прилуцкий [поехал] опять к штабу. Меня же вызвал командующий дружиной и назначил временно в 3-ю роту за полуротного. Вас. Ив. меня встретил верхом. Я тоже трясся на лошади ординарца. Явились и удалились. С места в карьер: приняли 2 пулемета на роту и пулеметчиков. И, пока Нос в командировке, я живу здесь. Спим вволю. Едим хорошо. Страху не видать пока. Погода хорошая. Виделся с [Кост.] Георгиевск. Он еще рядовой. Вернулся из Учебной Роты и подал рапорт о производстве. Выправился, посвежел. Вчера сняли фотографию: Взоров, Авилов, Тюриков и я. В общем, есть свободное времечко: можно обленииться!

Наше местоположение: на 21-й версте. Корчма. Возле Кирхи. Окопы от озера Бабит[14] до непроходимых болот на Росток. 2 роты 2-я, 3-я [дружины]; в 10 вер. первая линия укреплений: стоит 7-я оп (олчения) бригада.

Попал на свою полочку…

Пришло умное распоряжение осмотреть дороги в тылу и представить по осмотре карточку и описание. Ком. [Друян] спросил у меня, знаю ли я съемку и назначил меня и Боревича этот осмотр произвести. На работу дали $1^{1/2}$ суток, но каких! Дождь!.. Ветер!.. Все планы замочишь, да и сам повымокнешь. Я, однако, проездил весь день по дождю, выяснил дороги указанного участка и вернулся сухим. План тоже сухой и маршрутную съемку сделал. Боревич здесь же со съемки уехал в отпуск, а мне пришлось наутро кроки чертить и описание дорог составлять. И теперь меня знают: случилась 2-я работа по черчению — дали уже мне. Попал на свою линию…

А вот и еще раз по душе дело: ротный назначил к пулеметам команду для ознакомления. Я заинтересовался, пошел посмотреть занятия. Стали

[14-0] Крестная Якова Клавдия Петровна Шутова (урожденная Полежаева), сестра его отца, и её дочь Анна.

[14] Бабитес, или Бабите (устар. Бабитъ или Бабитское, латыш. Babītesezers) — реликтовое озеро в центральной части Латвии.

Яков Полежаев с отцом Иваном Петровичем
и матерью Зиновией Яковлевной.
Вильнюс, 1915 г.

заниматься. Ознакомился сам. Команду увеличили до 40 чел. с 2-х рот. Разрешили выпустить 1 000 патронов. И теперь пока сам учусь и руковожу занятиями. Это вносит интерес в мою жизнь здесь.

29/VIII. 1915. Анненгоф.

Стрельба из пулеметов

1-го Сентября мы произвели учебную стрельбу из 2-х пулеметов. Поставили мишени. Я разставил[15] оцепление, несмотря на которое в самый разгар стрельбы над мишенями по бугру пробежал безнаказанно человек. Стреляли с 20 и 100 шагов. Открыл стрельбу Адъютант Приходька. Стреляли с 9 утра до 5 вечера с перерывом на $1^{1/2}$ часа. И теперь из команды выберем лучших 20 чел., а остальные составят резерв.

М. М. Крассовский удачно сфотографировал момент стрельбы.

Вчера стекла дрожали: всё работают наши конанерки. То с моря, а то и по АА. Наши отпугивают немцев и слегка продвигаются по взморью. Скоро и за нами будет очередь. Справа, за озером, части бригады далеко уже

[15] Особенности дореволюционного правописания.

впереди. Впереди наших окопов, что у кирхи на буграх на 400 м впереди в поле строят еще новые. Но войска мало. Положим, придет поддержка, если понадобится.

Хутора на 1/2 версты впереди разрушены и сожжены. Одни груды кирпичей да обгорелые головешки. [Со мной] идет в отпуск в Москву адъют. Приходько, а вернулся прап. Боревич.

5/IX 1915 г. Анненгоф.

Ценengоф

3-ю роту перебросили из Анненгофа влево на 1 вер.(версту) в Ценengоф. Здесь счастливое и спокойное было житьё. Люди рыли или делали себе быстро теплушки. Поставили баню. Мы уже поместились в дом лесничего, где жили наши соседи: командир др. Брантон (?), офицеры: Головин, Никитин, адъютант Степанов.

Мы занимали комнату. Я, Нос и Филиппов, чертили кроки, писали письма, занимались с пулеметчиками и благословляли это время отдыха на 10 верст в тылу.

Ночной переход

С 21 на 22 сентября мы, выйдя вечером, шли походом всю непроглядную ночь и пришли в Шлок[16]. Шли вокруг оз. Бабит и через ж. д. мост по [*неразб*.].Темь была непроглядная. Я иногда садился на ротную лошадь, иногда слезал. Нос часть же ехал с командиром дружины капитаном Даниловым на его пролетке. Этот первый поход офицером в ставке утомил меня, да ведь я привык уже к 40-верстовым переходам в солдатском снаряжении. День провели отдыхая, а к вечеру ушли на квартиру за город и выставили тыловое охранение.

Подрядчиком

Сначала я ходил с 3-й ротою в сторожевку, а затем получил себе дело по постройке землянки. И дернуло меня жить чужим умом. Но [*неразб*.] постройки я спросил совета Носа. Тот дал совет строить на страх начальству получше. На материалы подводы и рабочих требования не ограничивали, но на исполнение давали всего 8 дней. Требовалось построить помещение на 240 человек. И начали наказывать начальство. Тесу я набрал на складе пазованного, рабочих и подвод не жалел и выстроили 2 барака на 90 человек. Что полковник Жикулин оскандалился. Аванса не хватило. За один лесной материал нужно было заплатить 1 029 р. подводы и рабочие не были сполна рассчитаны. Наши землянки, осмотрев, назвал он дворца-

[16] Слока (латыш. Sloka; до 1917 — Шлок, нем. Schlock) — часть города Юрмалы в 33 км от Риги.

ми и сделал выговор Командиру. И взялись теперь за ум начальники, назначили рабочих солдат, ограничили число подвод и приказали строить из подручного материала. Одну пока такую землянку выстроили на 30 чел., а у корчмы 45 окончить не дали пули немецкие, засвиставшие утром 18 окт. Это дело я передать пытался [*неразб.*], но командир не позволил. Мытарил, в общем, дело. Приходилось с 6 утра до 5 вечера самому на работе присутствовать, иначе распоряжения не было. А теперь оказалось верно то, что это дело тыловое. 4 офицера ушли сегодня в сторожевку, а там бой идет, а я собрал своих плотников и инструмент и сижу пока в [*неразб.*] и чай пью. Но разве долго попасть в дело! Я один лишь в резерве. Случись разведка — вот и отправят. Но пусть бы не тревожили: простудился я, видимо, на работах.

Далее следует текст, написанный матерью Якова, Зиновией Яковлевной Полежаевой.

1915 года октября 26.

Яшу ранили, мы получили телеграмму 27-го вечером от Курносова и от доктора Фомина. Ваш сын ранен и перевезен в Ригу в лазарет. Я и Ваня поехали навещать. Из Москвы выехали 30-го на Петроград, приехали в Ригу 1 ноября, в 9 часов вечера в гостиницу, позвонили по телефону в лазарет, нам сказали: вашему сыну лучше. Ехать было поздно.

2 ноября, утром, в 11 часов поехали к Яше, 1-й офицерский лазарет, [*неразб.*][17] улица, дом во дворе здания, 4 этаж, чистота и порядок.

Пришли, Яша лежит один в чистенькой и светлой комнате, кровать налево, умывальник, шкаф с зеркалом для одежды и белья.

Вошли, он веселый, поцеловались. Он говорит: «Папочка, садитесь, мамочка, садитесь. Вот я и ранен». Стал нам рассказывать. Слова Яши:

«Я отвоевал с 18 по 26 октября. Мы измытарились. То в разведку, то в сторожевку, измучились. 26-го не дообедали, приказ идти в наступление, взять Кемерну[18], а мы были близ Шлока. Мы выступили. Прапорщик Филиппов, ротный командир Нос, не обменявшись мнениями, идти было неловко. Я вел левый фланг. Рота попала мне — татары, — не моя.

Взошли[19] в лес. Тут немцы осыпали нас снарядами. Мы в поле, укрыться негде, бой ужасный, какой-то ад. Я скомандую «Лечь» ля-

[17] Может быть, Дудинская.

[18] Кемери (латыш. Kemeri; до 1917 официальное название — Кеммерн, нем. Kemmern) — бывший город в Латвии (с 1928), с 1959 — часть города Юрмалы.

[19] Так в рукописи.

На марше, у опушке леса под г. Шлок, рота, левым флангом которой командовал прапорщик Полежаев, попала в засаду. Яков Полежаев получил несколько ранений.

гут, скомандую «Встать» — не подымаются. Не знал, что делать. Солдатики валятся, как снопы. Я побежал к ротному за распоряжением. Пуля попала мне в ногу. Я бегу, слышу, загорелись грудь и живот; значит, рана другая. Подбежал к ротному, сказал: "Я ранен", и пошел за куст и лег. Просил солдатиков вынести мое тело с поля битвы, не оставить меня здесь. Они сложили ружья, положили меня и понесли. Я перекрестился, сложил руки крестом, простился со всем миром и думаю, что вот сейчас умру. Нет, жив. С ружьев положили на телегу и повезли очень шибко, я думал, что умру. 7 вёрст ехали, привезли к перевязочному пункту, подошел доктор Фомин и спросил: "Он без памяти?" Нет, я все помню. Кишки положили в живот и забинтовали. Меня положили в землянку, которую я строил. Лежал, пока подали паровоз в Шлок, отправили в Ригу. С вокзала на автомобиле в лазарет. Сняли все с меня, обмыли и положили на стол, и надели маску, и стал уходить в какое-то блаженное состояние. Когда проснулся, перекрестился, я жив и на хорошей кроватке, в хорошей комнате, мне здесь хорошо. Только сегодня уснул, без пулемётов, а то — не мог. Закрою глаза и вижу всю картину войны, и не сплю. Сестрички за мной ухаживают хорошо, и фельдшер, и доктор бывает 2 раза в день, иногда говорит: "Мы боялись за него"».

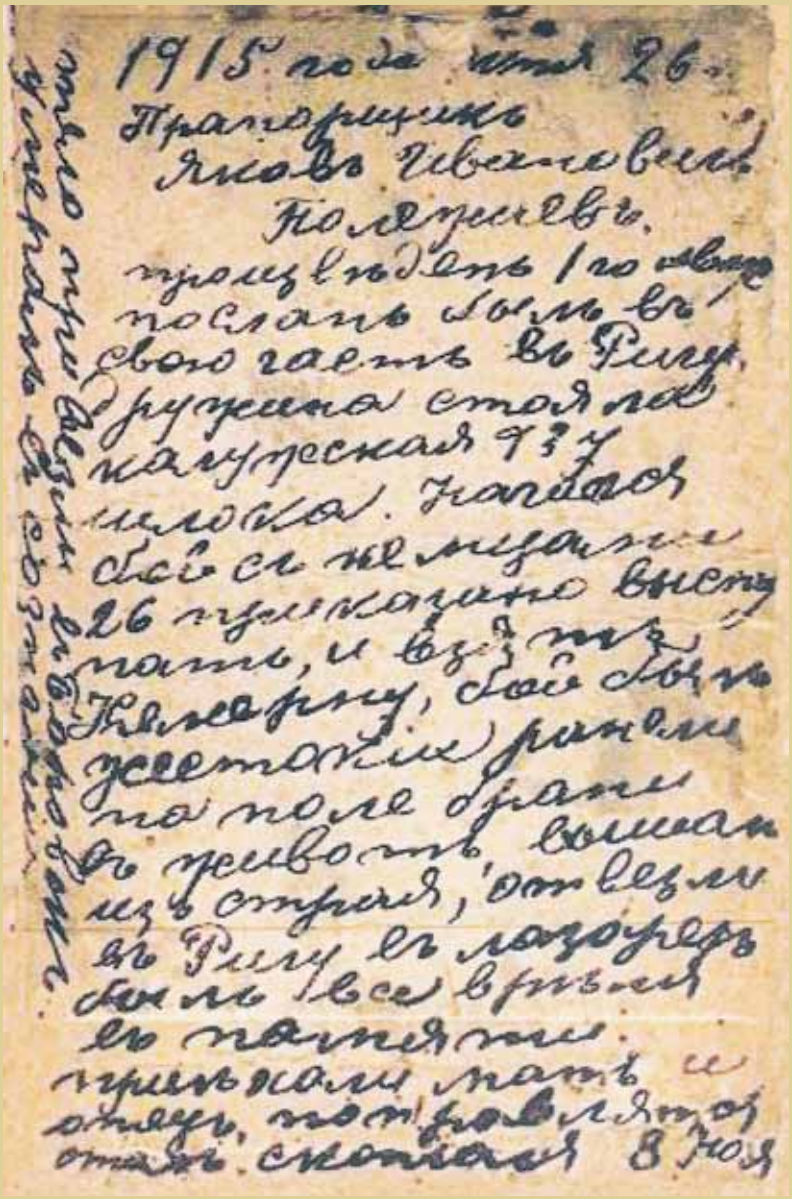
Яше подали кушать манную кашу и овсяный кисель, он покушал и велел окно открыть, потом мы ушли, опять пришли в 4 часа, ему сделали перевязку, вынули кусочек осколка из ноги.

3-го числа...

(на этом записи обрываются).

Яков Иванович Полежаев умер в 8 часов утра 8 ноября 1915 года.

Расшифровка дневника и комментарии к нему выполнены П. С. Соловьевой


1915 года [ноября] 26 ч[исла]. Прапорщик Яков Иванович Полежаев, произведён 1-го августа. Послан был в свою часть в Ригу. Дружина стояла Калужская 937 [у] Шлока. Начался бой с немцами. 26 приказано выступать и взять Кемерну, бой жестокий. Ранели на поле брани в живот, вышел из строя, отвезли в Ригу в лазарет, был всё время в памяти. Приехали мать и отец, поправляться стал. Скончался 8 ноября. Тело привезли в Боровск. Умирал в сознании.

(Надпись на обороте фотографии Якова Ивановича Полежаева (сделана, по-видимому, однополчанином Якова). Фото получено от Николая Иванова, потомка Чичкиных.
Орфография и пунктуация сохранены).

М.И. Полежаева.
1920-е гг.

О.Д. Позднякова и К.И. Полежаев.
1920-е гг.

Вместо заключения

Много десятилетий прошло после событий, о которых повествовалось в этой книге. Но 1972 год вновь напомнил нам о Якове Полежаеве. Тогда был обнаружен его юношеский дневник 1908–1909 гг. «О рождении сестры Марии Ивановны Полежаевой», замурованный им в стене дома Полежаевых на Успенской улице. О том, какое впечатление произвела эта находка, видно по письмам из Москвы в Боровск родных брата и сестры Якова, Константина Ивановича и Марии Ивановны, и подруги их детства Ольги Дмитриевны Поздняковой к Николаю Васильевичу Заикину.

ПИСЬМА

Москва. 18/IX — 72.

Здравствуйте, Коля, как-то странно называть Вас Николай Васильевич! Письмо Ваше получила. Полежаева, родившаяся в 1908 г., — это младшая дочь Ивана Петровича Полежаева — Маруся. Дуся её, наверное, помнит.

Я позвонила Косте Полежаеву, и он мне рассказал историю этой замуровки. Его старший брат Яков Иванович, убитый в Германскую войну в 1915 г., когда был мальчиком 15 лет (в 1908 году), написал что-то вроде завещания, положил в плоскую коробку, запаял её со всех сторон и вложил в стену пристройки их дома на Ленинской улице (теперь это дом 18 по ул. Ленина, прежде был собственный дом Полежаевых на ул. Успенской. — *Прим. Е. А. Полежаевой*). Значит, замуровано в стену и заложено кирпичами.

В дневниках Якова Ивановича была найдена запись об этой замуровке: «Открыть, когда Маше будет 18 лет». А Маше 18 лет было в 1926 году, когда их уже никого не было в доме, и ступить туда нельзя. Костя очень заинтересован, цела ли записка в коробке. Я ему дала твой адрес, что он будет Вам писать, не знаю. Все Полежаевские очень интересные ребята. Все они до сих пор ведут дневники и альбомы с фотографиями.

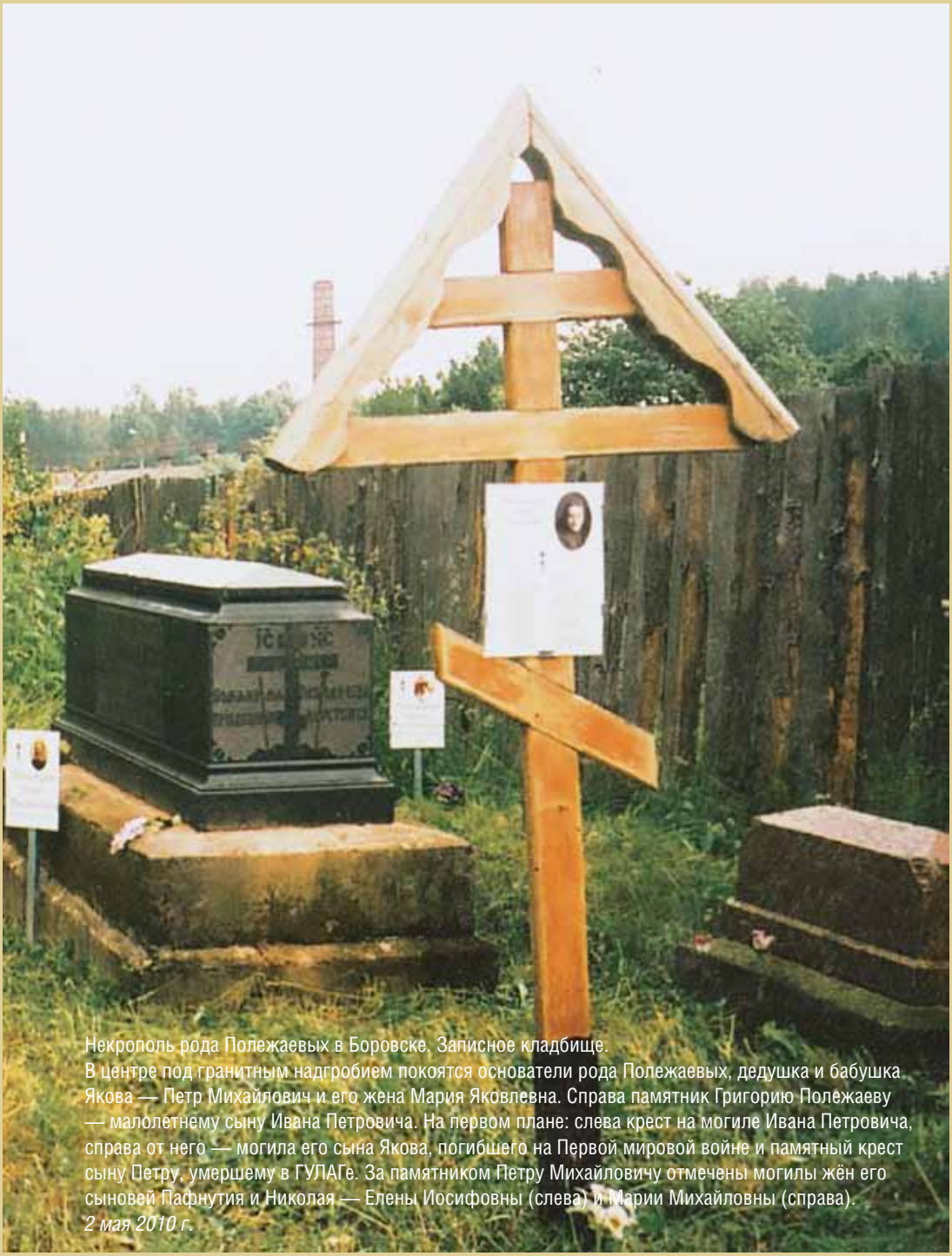
Коля, я до сих пор болею. Температура то скакнёт, то ниже нормы. Я прямо вся извелась. Неужели это простуда из Пафнутьева монастыря? Я как-то об этом не подумала.

А что у тебя заболело? Писал, что прихворнул. Поправился ли?

Привет Дусе и Алексею Алексеевичу, если его увидишь. У меня такое отрадное, приятное впечатление осталось от его лекций и вообще от его энтузиазма.

О. Д. Позднякова.

Полежаев
Иван
Петрович



Некрополь рода Полежаевых в Боровске. Записное кладбище.
В центре под гранитным надгробием покоятся основатели рода Полежаевых, дедушка и бабушка Якова — Петр Михайлович и его жена Мария Яковлевна. Справа памятник Григорию Полежаеву — малолетнему сыну Ивана Петровича. На первом плане: слева крест на могиле Ивана Петровича, справа от него — могила его сына Якова, погибшего на Первой мировой войне и памятный крест сыну Петру, умершему в ГУЛАГе. За памятником Петру Михайловичу отмечены могилы жён его сыновей Пафнутия и Николая — Елены Иосифовны (слева) и Марии Михайловны (справа).
2 мая 2010 г.

Уважаемый Николай Васильевич!

Обращаюсь к Вам по рекомендации Поздняковой Ольги Дмитриевны. Она мне сообщила, что найдена семейная записка 1908 г. о нашей младшей сестре Марии Ивановне Полежаевой.

Нас очень интересует её содержание. Я помню, как эта записка возникла: в 1908 г., когда родилась Мария, наш старший брат Яков написал записку, запаял её в металлическую коробочку и куда-то схоронил на долгое время. Он говорил, что через 18 лет, когда Мария достигнет совершеннолетия, эта коробочка будет вскрыта и записка прочтена. Однако этого не произошло. Наш брат Яков (ратник ополчения) погиб на войне в 1915 г., когда Марии было только 7 лет, и записка для нас осталась тайной.

Если найденная записка действительно та, о которой я Вам пишу, то мне и Марии Ивановне хотелось бы иметь её у себя или хотя бы знать её содержание. Как это сделать? Ответьте мне, будем Вам признательны.

Адрес: 113184. Москва, Климентовский пер., д. 6, кв.57.

Полежаев Константин Иванович.

01.10.72.

Добрый день, Николай Васильевич!

Приношу Вам свою искреннюю благодарность за все проделанные хлопоты и большое участие в пересылке мне дневника моего старшего брата. Очень было приятно и интересно окунуться в далёкое прошлое, вспоминать Боровскую жизнь, своё детство на Успенской улице.

Каждое лето мечтаю побывать на родине, побродить по знакомым местам, посетить бывших подруг. Это желание со мной разделяет моя сестра Ольга и племянницы — Ждановы Мария и Валентина. И вот мы каждую весну строим планы на поездку в Боровск, а лето проходит, и никак мы не можем осуществить этой поездки.

Меня очень интересует, как живёт Тоня Головтеева — Антонина Александровна? Если её встретите, напомните обо мне и передайте привет. Может, она черкнёт мне несколько строк. Про смерть Лёли Лермонтовой я слышала. А больше, кажется, из моих подруг в Боровске никого не осталось.

Николай Васильевич, очень Вас прошу, передайте письмо, которое придёт на Ваше имя, Антипову, так как я не знаю его точного адреса.

Желаю Вам всего доброго. С большой благодарностью к Вам.

Полежаева М.

СОДЕРЖАНИЕ

Лошкарёва Н. П. В память о Великой войне 1914-1918 гг. ...7

Соловьёва О. Ю. О промышленно-купеческой династии Полежаевых 13

Соловьёва О. Ю. Детство Яши 17

О рождении сестры Марии Ивановны Полежаевой. Дневник Якова Полежаева 1908–1909 гг. 19

Соловьева О. Ю., Полежаева Е. А., Соловьева П. С. Началась война... 29

Дневник ратника ополчения. III часть 34

В первой сторожевке 35
День в Школе 36
Авторитет офицера 40
О вышесказанном авторитете офицера 41
Горький результат 42
Силогина стена 43
Во второй линии 44
Попал на свою полочку... 44
Стрельба из пулемётов 46
Ценгоф 47
Ночной переход 47
Подрядчиком 47

Вместо заключения

Письма Поздняковой Ольги Дмитриевны, Полежаева Константина Ивановича и Полежаевой Марии Ивановны... 51

Краеведческое издание

Дневники ратника ополчения.

Юношеский и фронтовой дневники представителя боровских промышленников Полежаевых Якова Полежаева

Составители:
Полежаева Е. А.
Соловьева О. Ю.
Соловьева П. С.

Макет и вёрстка:
Черников В. А.

Формат 70x100/16. Печать офсетная.
Бумага мелованная матовая. Гаритура Helios.
Тираж 300 экз.

Оксана и Полина
Соловьёвы

Евгения Алексеевна
Полежаева

«Дневники ратника ополчения» —
это подлинные документы,
написанные Яковом Полежаевым в 1908-1909 гг. (о рождении сестры Марии Ивановны Полежаевой) и в 1915 году (свидетельство участника военных событий Первой мировой войны).
Яков погиб в 1915 г. Ему было 23 года.

Яков Иванович Полежаев — старший сын Ивана Петровича, одного из братьев Полежаевых, представителей известнейшей купеческой старообрядческой династии города Боровска Калужской области. В 1887 г. Полежаевы создали в Боровске ткацкую фабрику, которая в течение последующих 100 лет являлась самым крупным предприятием города.

В дневнике «О рождении сестры Марии Ивановны Полежаевой» 16-летний Яков увлекательно рассказывает о быте семьи Полежаевых, о работе фабрики и участии его в фабричных делах, о событиях, происходивших в Боровске в те далёкие годы.

С объявлением мобилизации в 1914 г. Яков без колебаний отправился ополченцем на фронт вместе с фабричными рабочими. В сохранившейся и публикуемой здесь 3-й части его военного дневника на 45 страницах повествуется о солдатских буднях, о специфике подготовки ополченцев, о психологии военной жизни.

В Боровске есть улица Братьев Полежаевых. До наших дней сохранился дом, принадлежавший этой семье в Боровске, где Евгения Алексеевна Полежаева, племянница Якова, создала музей, посвященный истории не только своей семьи, но и других купеческих родов города.
Среди них Меренковы, Провоторовы, Санины, Голофтеевы, Капырины, Хомутинниковы, Рябушинские.
Она хранит наряду с многочисленными документами, семейными архивами и фотографиями
и «Дневник ратника ополчения».

ISBN 978-5-4465-2104-3

Боровск · 2018